

На заповедных берегах Кубри

Нет, кажется, такого водоёма у нас в стране, где бы не побывали московские рыболовы-спортсмены. с. 36

Речная даль всегда зовёт и манит. И особенно любы места незнакомые, где надеешься найти «золотое дно». Что делать, все мы немножечко... Колумбы.

Для меня неразведанным местом в Подмосковье долго оставалось Кубрянское лесничество. Там недавно открылась охотничья база Министерства сельского хозяйства. По путёвке поехал туда в отпуск приятель с семьёй, правда, вне рыболовного сезона, и пригласил меня с собой. Это было в конце июня 1956 года.

Соблазнило меня письмо лесничего Николая Николаевича. Он сообщал о грибах, о ягодах, о глухих лесах при слиянии замечательных рек Кубри, Нерли и Мечки у деревни Андрианово.

Три реки вблизи от конторы — вот от чего разгорелась моя страсть рыболова. И я поехал.

Часто грёзы далеки от природы. А тут действительность чарующего пейзажа превосходила даже самые воспалённые мечты фантазёров. Крутобережная красавица Кубря. Река стекленеет извилами причудливых поворотов-излучин, петляет в таёжных коридорах леса. Плёсы сменяются крутоярами тёмных омутов. Всюду дремучие тростники и камыши. Везде два леса: один высится в небо, другой окунается в зеркало воды. Любо плыть на лодке по такой реке.

Под Москвой толпы удильщиков бродят по истоптанным берегам, а здесь всюду непомятые пышные травы. Кроме лесников и грибников, некому и полюбоваться на величественную красоту лесной реки. Редко-редко, только связанный деревенским родством, заглянет сюда в одиночку москвич по памяти детства.

Мы залюбовались окнами в кувшинках и камышах, мысленно выбрали уютные места для ловли с берега и с лодки, которую нам обещали достать. Приятель с семьёй отправился дальше по высокому берегу, а мне понравился мысок с просветом чистой воды среди трав и кустов.

Изловчился закинуть удочку в рукавок межтравья, насадка — красный червь. Конечно, истые рыболовы поймут, как волновал меня первый заброс на новой незнакомой реке. Что-то будет. с. 37

Смотрю, грузило ходко потянуло в сторону поплавок; поклёвки не заметно, а он почему-то повернул к стенке осок. «Э, — думаю, — это не годится, надо перекинуть, а то зацеп...» Потянул: зацеп и есть. А впрочем, интересно, но ещё непонятно, в чём дело. На потяжку не подаётся, а толкает. Надо вываживать, и, кажется, это не окунёк и не плотичка.

Извивается, — видно, щучка; поднимать ещё рано — тонка леска. Милое дело — запальчиво ринуться в воду у берега и, как из сети, выпутать из травы необыкновенный трофей... Ещё бы — щука на червяка. Небольшая рыба, а для удочки предельно хороша. Вот она и в руках, слышу крик радости, вижу приятеля на повороте крутого берега. Первой прибегает маленькая Наташа, спускаются вниз и приятель с женой. Начало одобрено.

Какая удача — первый заброс в незнакомую реку, и сразу щука на червяка. А приятель даже не взял удочку. Вот малонер. Дивимся: «золотое дно» нашли. Теперь так и будет — только таскай, а впереди у нас целый месяц удач.

Приятель с женой и дочкой ушли за первыми ягодами земляники. А я просидел на берегу всю вечернюю зорю и, как ни старался, взял только одного окунька.

Наутро втроём — с приятелем и Наташей — мы старались ловить по-всякому, опробовали разные места, но попадалась только мелочь и то редко.

Начался холодный, дождливый июль. Солнце спряталось в облаках, подули осенние ветры. Как зарядили дожди, так нескончаемо и лили весь месяц. Вода помутнела, как в ледоход. Кубря прибывала. Наше, поначалу счастливое, место вовсе затопило, близко не подойти. И отступили мы на заранее приготовленные позиции. Невдалеке от дома лесничества, у нас прямо под боком, текла маленькая Мечка.

Уселся я как-то на берегу этой мутной речушки. Среди кустов, сзади, остался не скошен в непогоду пышный лужок ромашек, красных луговых васильков, дятлины. Чуть разгуляется погода — будто рой прилетел — гудят пчёлы на цветах.

Подошёл старик-колхозник, посмотрел на траву: солнца нет, приходится косить луг на силос, сушки никакой. Присел, обрадовался понюшке табаку. Поговорили. Уходя, он сказал:

— А тут бывало много шурят.

Это меня подбодрило: ведь одного я уже поймал на Кубре. Надо сообразить, как вернее ловить. Надоумил случай.

Кроме своих удочек, я закинул на чёрного выползка чужую удочку, кем-то забытую на берегу. За кустом ловил приятель и недоуменно жаловался:

— На выползка была странная поклёвка, и вот зацеп, а чувствую, что на крючке крупная рыбина, наверно лещ.

с. 38 Он погорячился, оборвал леску, и тайна не раскрылась.

Я решил перезакинуть чужую удочку, и в этот момент — поклёвка на моей. В спешке бросил чужую так, что крючок с выползком оказался в самых лилиях у берега: нарочно бы так не закинул. На свою вытащил окунька, забросил её опять. Тут же я захотел исправить свою ошибку — перекинуть чужую удочку с травы на чистое место. Поплавок спокойно дремал. Стал поднимать — зацепил, не пускает трава. Потом подумал, что коряга. И вдруг подалось, потянуло. От неожиданности опять забыл про подсачек и выбросил прямо на берег хорошего шурёнка.

Сошлись мы с приятелем, поговорили: диво — на червя второй шурёнок. Всё-таки видная рыбина, не то что окуньки. Пренебрежение чужой удочкой, брошенной в траву, подсказало решение. Надо закидывать не на чистое место, а непременно у самого берега, в траву, где хищники караулят добычу.

Прошли минуты. Приятель опять зацепил, послали Наташу за лодкой. Потом, смотрю, из-за кустов выводит он кого-то на леске в обход травы и кустов, крупная рыбина плескается, удочка — на пределе. Тут уж понадобился подсачек. Обежал с ним кусты и у берега подхватил щуку на мелководье. Тоже на червя и, главное, из травы. Так мы догадались, как надо удить шурят, и поймали ещё несколько штук. А потом пошли белые грибы, и лес переманил нас от реки.

Весь июль прошёл без хорошего клёва. Дожди и ветры отбивали от ловли. Но снова выручил нас случай.

— Смотрите, сыр-то позеленел, — сокрушённо горевала хозяйка. — Привезли и забыли. Заваялся в вещах.

— Вот и прекрасно, это очень кстати, — обрадованно сказал я. Истёр сыр в порошок, перемешал его с ватой и с хлебом. Любимый запах рыбы — вонючая плесень гнилого сыра. И наутро повеселил нас необыкновенный клёв на скреплённые ватой катышки хлеба с сыром. На тех местах в Мечке, где на червя клевала мелкая плотва, стала попадаться крупная.

А уж какой лов-то! Наверняка. Катыш с ватой держится крепко. И крупная плотва его не сбивает. Знай — подсекай. И конец один — плотвица на берегу. А на столе — уха. В лесной жизни это много значит. Вот как обернулся тухлый сыр по пословице: «Не было бы счастья, да несчастье помогло»...